

Влияние системы социального кредита в Китае на политическую коммуникацию

Антончева О. А.^{1, *}, Апанасенко Т. Е.²

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; antoncheva-oa@ranepa.ru

²Независимый исследователь, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

В статье оценивается система социального кредита, созданная в КНР в 2014 г. и вошедшая в широкое употребление приблизительно с 2016 г.

Рассматривается оценка со стороны населения; оценка, выражающаяся в биржевых индикаторах; оценка со стороны ученого сообщества, пытающегося осмыслить систему социального кредита в терминах парадигмы авторитарного государственного управления.

Результаты рассмотрения биржевых индикаторов показывают, что на показатели делового климата, такие как индекс делового доверия (BCI) или индекс деловой активности (PMI), введение системы социального кредита влияния не оказало. Между тем, как было заявлено при ее создании, ради показателей делового климата система социального кредита и вводилась: эта система была призвана предотвратить недобросовестное поведение фирм. Таким образом, декларированная цель введения системы социального кредита достигнута не была.

Представляется логичным задаться вопросом, не имелось ли отличной от декларированной цели введения социального кредита, цели усилить тенденцию авторитарного государственного управления.

Точечные исследования оценки населением системы социального кредита показали высокий уровень одобрения социального кредита гражданами.

Западная либеральная мысль с ее культом индивидуализма видит следующие последствия введения системы социального кредита: нарушение прав человека, несоблюдение принципа социальной справедливости, нарушение принципа неприкосновенности частной жизни, нарушение принципа равенства прав, развитие тоталитарных и авторитарных тенденций.

Предполагается, что некоторые выводы, основанные на данном подходе, могут быть поставлены под сомнение из-за несовпадения ценностей: к китайскому обществу, идеология которого основывается на коллективистских ценностях, слабо применимы категории оценки, основанные на ценностях крайнего индивидуализма.

В связи с этим к оценке системы социального кредита применяется принципиально иной подход: признаки авторитаризма постулируются как наличие неравных возможностей символического конструирования реальности; система социального кредита проверяется на наличие таких возможностей в рамках теории массовой коммуникации.

Делается вывод, что китайская система социального кредита, применяемая для контроля за контентом интернет-сайтов, способствует формированию асимметричной политической коммуникации, что оказывает негативное влияние на демократическое устройство политической системы и качество человека.

Ключевые слова: деловой климат, деловое доверие, деловая активность, контроль, коллективизм, индивидуализм, реципиент информации

Для цитирования: Антончева О. А., Апанасенко Т. Е. Влияние системы социального кредита в Китае на политическую коммуникацию // Управленческое консультирование. 2022. № 10. С. 12–27.

Impact of the Social Credit System in China on Political Communication

Olga A. Antoncheva^{1,*}, *Tatiana E. Apanasenko*²

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPА), Saint Petersburg, Russian Federation; antoncheva-oa@ranepa.ru

²Independent researcher, Saint Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The social credit system, created in the PRC in 2014 and which has been in widespread use since approximately 2016, is being evaluated.

The assessment by the population is being considered. An estimate expressed in market indicators is given. Assessment by a learned community trying to comprehend the social credit system in terms of the paradigm of authoritarian government analyzed.

The results of the consideration of market indicators show that the introduction of the social credit system did not have an impact on business climate indicators such as BCI or PMI. Meanwhile, for the sake of business climate indicators, the social credit system was introduced, as was stated when it was created: this system was designed to prevent unscrupulous behavior of firms. Thus, the declared goal of introducing a social credit system was not achieved.

It seems logical to wonder if there was a different goal from the declared goal of introducing social credit, the goal of strengthening the tendency of authoritarian government.

At the same time, point studies of the assessment of the social credit system by the population showed a high level of approval of social credit by citizens.

Western liberal thought with its cult of individualism sees the following consequences of the introduction of a social credit system: violation of human rights, non-observance of the principle of social justice, violation of the principle of privacy, violation of the principle of equality of rights, development of totalitarian and authoritarian tendencies.

It is assumed that some conclusions based on this approach may be called into question due to a mismatch of values: it is proved that assessment categories based on the values of extreme individualism are poorly applied to Chinese society, whose ideology is based on collectivist values.

In this regard, a fundamentally different approach is applied to assessing the social credit system: signs of authoritarianism are postulated as the presence of unequal opportunities for symbolic construction of reality; the social credit system is tested for such capabilities within the theory of mass communication.

The social credit system used to control the content of Internet sites will have an extremely negative impact on political communication, making it more asymmetric, on the democratic structure of the political system and human quality.

Keywords: business climate, business confidence, business activity, control, collectivism, individualism, recipient of information

For citing: Antoncheva O. A., Apanasenko T. E. Impact of the Social Credit System in China on Political Communication // Administrative consulting. 2022. N 10. P. 12–27.

Введение

В последнее время острый интерес исследователей и публицистов вызывает такая новая практика воздействия государства на общественные процессы, как система социального кредита, которая была создана в КНР в 2014 г. и вошла в широкое употребление приблизительно с 2016 г.

Система социального кредита в Китае — это система оценки отдельных граждан или организаций по различным параметрам, значения которых получают с помощью инструментов массового наблюдения с использованием технологии анализа больших данных. Граждане или организации, удостоенные высокой оценки, получают различные преференции, прежде всего, со стороны государства, но также и частных лиц, имеющих допуск к информации о рейтинге оцениваемых лиц.

Ученое сообщество пытается осмыслить систему социального кредита, прежде всего, в терминах парадигмы авторитарного государственного управления. Исследователи левой идеологической направленности задаются вопросом о том, насколько вписывается система социального кредита в социалистические идеалы. При этом даже безотносительно приверженности этим идеалам нуждается в пояснении вопрос, способствует ли данная система расширению политического участия и политического представительства населения.

В настоящей работе предлагается рассмотреть данный вопрос в такой системе теоретических координат, в каких она еще не рассматривалась, а именно, учитывая важность символического действия (действия, направленного на сознание) как конструирующего социальную реальность в современных условиях.

* * *

В большинстве источников, посвященных исследованию китайской системы социального кредита, основная проблема видится в противоречии целей введения данной системы и современных ценностей политического развития. Современные ценности политического развития состоят в следующем:

- 1) дальнейшее развитие и совершенствование демократических институтов;
- 2) защита прав индивида от произвола вмешательства государства в частные интересы;
- 3) обеспечение представительства интересов индивидов и социальных групп в политике;
- 4) расширение возможностей влияния индивидов и социальных групп на принятие политических решений.

Под углом зрения такой проблематики система социального кредита рассматривается в рамках парадигмы противопоставления авторитаризма и демократии.

Безусловно, рассмотрение вопроса, является ли система социального кредита проявлением авторитарного государственного управления, чрезвычайно актуально, поскольку ответ на данный вопрос отражает конфликт между ценностями коллективизма и индивидуализма, обострившийся в настоящее время и дающий повод переосмыслить роль государства в современном мире.

Многие современные события дают повод задаться вопросом, все ли еще в состоянии государство в качестве носителя коллективной воли сдерживать волю индивидуальную, идеологически вооруженную негативистской концепцией прав человека¹. Об этом свидетельствуют как трудности, с которыми столкнулись государства, проводящие политику ограничений некоторых базовых прав человека в чрезвычайной ситуации пандемии коронавируса, так и саботаж частными компаниями геополитических интересов своих государств в условиях международных санкций.

При всей актуальности исследуемой проблемы большинство источников предпочитает трактовать ее, апеллируя к фактам, отражающим материальную реальность, статус которой претендует на неоспоримую объективность, в отличие от символической реальности. Дело обстоит таким образом, даже если исследователи прибегают к такому методу, как опросы общественного мнения.

Если говорить об оценке данной системы со стороны населения, то в 2019 г. 80% населения одобряли систему социального кредита и считали, что очки начисляются честно и непредвзято, согласно исследованию общественного мнения

¹ Негативистская концепция прав человека основана на представлении, что права человека реализованы, когда последний защищен от вмешательства государства в его жизнь, исходит из «представления об антагонизме в политическом сообществе между свободой индивида и властью правительства» [33, с. 8].

профессора Жени Костка из Свободного Университета Берлина [31, цит. по 4, с. 5]. В Жунчэне (городской уезд городского округа Вэйхай провинции Шаньдун), где система социального кредита была введена в действие более 5 лет назад, удовлетворение населения системой достигло 96% [31, цит. по 4, с. 5]. По мнению респондентов, применение системы социального кредита предоставляет такие преимущества, которые перевешивают недоверие к власти в области потери конфиденциальности личной информации.

Однако ввиду погруженности исследователя в проблематику объекта исследования при социологическом опросе «ответы опросов не всегда коррелируют с результатами экспериментов» [17, с. 136; см. также: 25].

Неточность социологического опроса, предопределенная субъективностью и погруженностью исследователя, является фундаментальной, эпистемологической проблемой социологии [11; 49].

Объективисты-классики предлагают методы для достижения хотя бы претензии на объективность [3; 8; 10; 22; 24; 47; 48; 50; 54], а постмодернисты-классики постулируют недостижимость объективности социологического исследования [5; 20; 21; 26; 28; 38; 39].

Опросы, проведенные по разным методикам, отличаются друг от друга по результатам, составление же методики вовлекает в процесс субъективность исследователя.

Существуют и более объективные индикаторы, которые не зависят от позиции исследователя.

Что касается таких объективных индикаторов, то, чтобы доказать положительное влияние системы социального кредита на общественные процессы, исследователи прибегают к таким показателям, как число судебных инцидентов. Например, Ж. Костка констатирует, что в Жунчэне количество конфликтов и споров по поводу сбора налогов за 5 лет, в течение которых система социального кредита внедрялась на данной территории, снизилось на 22,8% [31, цит. по 4, с. 5].

Большую объективность несут в себе биржевые показатели, поскольку они, хотя и построены на технологии опроса, проявляют себя безотносительно к введению системы социального кредита. К тому же к тем из них, которые характеризуют деловой климат, логично прибегнуть, так как изначально система социального кредита в Китае возникла для предотвращения недобросовестного поведения фирм, которое влияло на показатели делового климата.

Показатель делового климата может выражаться, например, в **индексе делового доверия**, или **индексе предпринимательской уверенности (Business Confidence Index)**.

Он рассчитывается как среднее арифметическое оптимистических и пессимистических ожиданий менеджеров, опрашиваемых в рамках методики расчета данного показателя, по предстоящему выпуску, фактически сложившемуся спросу и текущим запасам готовой продукции с обратным знаком, в процентях; повышение данного показателя свидетельствует об улучшении экономики.

Абсолютное значение показателя не имеет значения, важно его колебание, повышение или понижение по сравнению с предыдущим уровнем.

Рассмотрим значения Business Confidence Index Китая по данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Они представлены на рис. 1.

Как можно видеть, явного влияния на значение индекса введение системы социального кредита не оказало.

Показатель делового климата также может выражаться в **индексе деловой активности (Purchasing Manager's Index, PMI)**. Буквально: индекс ожиданий менеджеров по закупкам. Индекс состоит из промышленного индекса, индекса новых заказов, индекса предложения и индекса занятости. Показатель выше 50 пун-

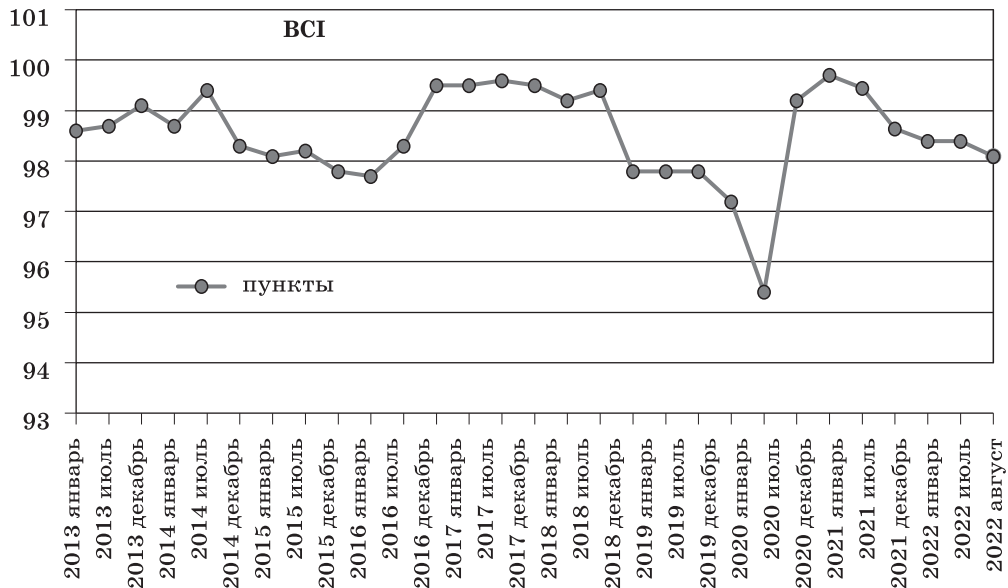

Рис. 1. Business Confidence Index Китая, по данным ОЭСР (январь 2013 — август 2022)
Fig. 1. China's Business Confidence Index, according to the OECD (January 2013 — August 2022)

Источник: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stats.gov.cn/english> (дата обращения: 22.06.2022).

ктов указывает на высокую деловую активность. Показатель ниже 50 — на снижение деловой активности. Данный показатель служит основой для принятия инвестиционных решений.

Рассмотрим значения PMI Китая по данным Национального бюро статистики Китая. Они представлены на рис. 2.

Как можно видеть, явного влияния на значение индекса введение системы социального кредита не оказало.

Если суммировать пункты, которые заставляют ориентированное на права человека ученое сообщество выражать сомнение по поводу положительного влияния системы социального кредита на развитие общества, то они сводятся к нарушению прав человека, несоблюдению принципа социальной справедливости, нарушению принципа неприкосновенности частной жизни, равенства прав, развитию с помощью системы социального кредита тоталитарных и авторитарных тенденций [27; 29; 30; 32; 37, приводится по: 4].

Эти сомнения основаны на понимании индивидуальности, свойственном западной либеральной мысли. Сомнительно, чтобы в традициях конфуцианской, даосистской и социалистической мысли вообще существовало понятие индивидуальности, по крайней мере, индивидуальности, совпадающей с той, которая была выпестована негативистской концепцией прав человека, противопоставлявшей индивида и государство. Согласно основоположникам негативистской концепции прав человека Т. Гоббсу и Дж. Локку, права человека основываются на невмешательстве государства в частную жизнь индивида, поэтому концепция прав человека и называется негативистской. О правах человека, основанных на его активном участии в жизни государства, на отождествлении его интересов с интересами государства, на позитивных правах человека, основанных на участии, а не неучастии, речь не шла.

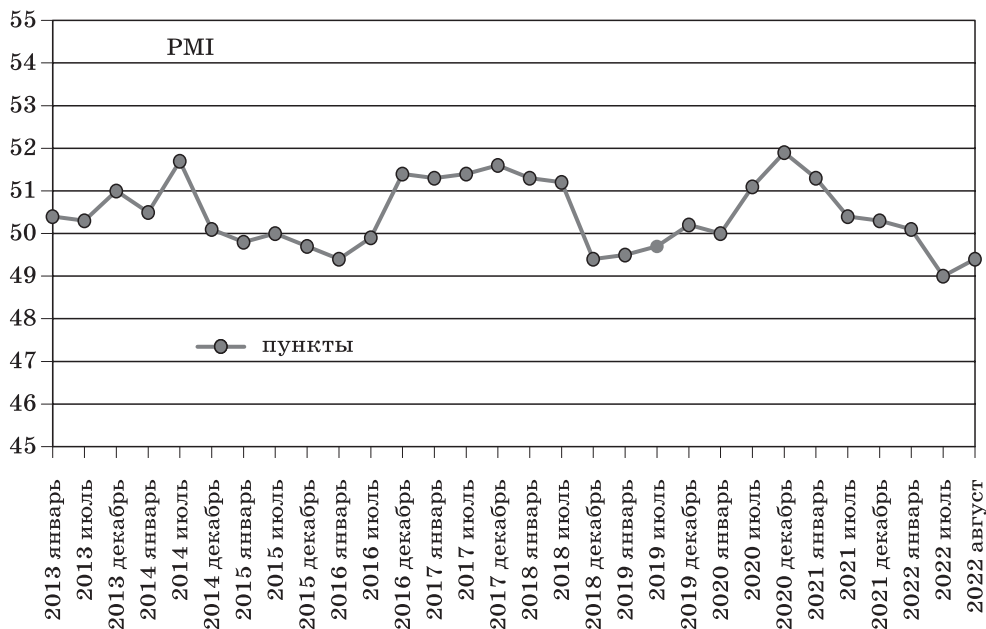

Рис. 2. Purchasing Manager's Index Китая, по данным Национального бюро статистики Китая (январь 2013 — август 2022)

Fig. 2. Purchasing Manager's Index of China, according to the National Bureau of Statistics of China (January 2013 — August 2022)

Источник: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stats.gov.cn/english> (дата обращения: 22.06.2022).

С развитием эгалитарного процесса, все большим вовлечением широких масс в участие в политической жизни, получила развитие, конечно, и позитивистская концепция прав человека.

Однако *мысль* о гармонии индивида и государства, *мысль* о том, что ни один авторитарный режим не продержался бы долго, если бы в какой-то степени не выражал интересы индивидов, из которых состояло авторитарно управляемое общество, более свойственна коллективистским мыслительным системам. *Конфуцианству* с его абсолютизацией иерархии, *даосизму* с пониманием индивидуальности исключительно как вписанной в мировой порядок, *марксистской диалектике*, признающей, что любое явление в истории оправдано самим фактом своего существования, а значит, любая деспотическая власть государства была когда-то востребована целями исторического развития, т.е. служила и интересам своих подданных. Именно на этих системах мысли и базировалась идеология китайской мечты, согласно лидеру Китая Си Цзиньпину [12; 13].

Апологеты индивидуалистических концепций (J. Bolt, R. Botsman, J. Laband), в частности, считают, что допустимо вести реестр граждан в целях выдачи коммерческого кредита и только на предмет их кредитной истории, платежеспособности и способности вернуть кредит. С этими целями возможно присваивать гражданам кредитные баллы. Все остальное же недопустимо.

Либеральные социологи выражают опасения, связанные с создаваемыми цифровой экономикой возможностями тотального контроля государством каждого гражданина.

Действительно, официальная идеология системы социального кредита декларирует предоставление каждому гражданину неких бонусов социального лифта на основании лояльности этого гражданина и его ценности для развития общества. В эпоху цифровизации предполагается, что правительству известно о лояльности каждого гражданина.

Однако этим возможностям якобы тотального контроля государством каждого гражданина, во-первых, очень далеко до их воплощения в действительность. Во-вторых, китайская система социального кредита такой цели перед собой и не ставит.

Опровержение положения о том, что китайская система социального кредита представляет собой проявление авторитарных тенденций, апеллирует к изучению юридических подробностей ее функционирования, которые укладываются или не укладываются в модель авторитарного общества. Этому посвящен блок литературы [6; 7; 9; 14; 15; 16]. Авторы настоящего исследования также отчасти работают в рамках данной теоретической системы координат.

В русле нашего исследования можно констатировать, что строительство китайской системы социального кредита на настоящий момент незакончено, закон о ней находится на стадии обсуждения, хотя местные органы власти приняли локальные нормативные акты о социальном кредите. Таким образом, китайская система социального кредита является фрагментарной, с территориальной точки зрения.

Является она фрагментарной и по сферам применения: оценка кредитоспособности юридических и физических лиц, экономических субъектов с просто плохой кредитной историей и с судимостью производится отдельно и разными институтами, причем и государственными, и частными. Сбор сведений частными организациями имеет ряд ограничений. Государственные же организации ограничены сферой публичных интересов. Речь о составлении перечня данных о мелких правонарушителях не идет вообще.

Предполагается, что срок хранения данных о каждом гражданине строго ограничен. Данные эти, в свою очередь, ограничены перечнем в законодательстве.

Все это насколько не напоминает цифровую диктатуру.

Как уже было отмечено, изначально система социального кредита в Китае возникла для предотвращения недобросовестного поведения фирм, которое влияло на показатели делового климата. Идея состояла в создании государственной системы оценки кредитоспособности предприятий, претендующих на кредит, не социальный, но коммерческий. Такую систему оказалось возможным расширить и для оценки добросовестности организаций, участвующих в госзакупках, и распространить на физических лиц, нуждающихся в кредитовании или претендующих на занятие государственных должностей. О тотальном контроле за гражданами с помощью системы социального кредита речь никогда не шла.

Итак, современные исследования трактуют систему социального кредита под углом зрения проблематики дихотомии демократии и авторитаризма. Методы исследования при этом предполагаются направленные на материальную действительность, которой в силу ее материальности приписывается объективность, и состоят эти методы в социологических опросах, анализе экономических индикаторов, так или иначе также сводящихся к опросам, анализе юридических институтов, который способен дать ответ на вопрос, создают эти институты среду для развития авторитарных тенденций государственного управления или не создают.

Авторы и сами поработали в рамках данной теоретической системы координат, проанализировав подробности функционирования некоторых юридических институтов в Китае, влияющих на систему социального кредита, пытаясь увидеть корреляцию между введением системы социального кредита и биржевыми индексами делового климата.

Однако представляется актуальным в связи с повысившейся ролью фактора символического воздействия в современной реальности рассмотреть проблему социального кредита иначе. Рассмотрим, способствует ли данная система развитию авторитарных тенденций, при этом признаки авторитаризма будут выделены совсем другие, не те, которые выделялись сторонниками негативистской концепции прав человека.

Авторы предпочитают видеть признаки авторитаризма в неравных возможностях символического конструирования реальности. Это меняет рамку теоретической системы координат и представляет собой новый ракурс рассмотрения системы социального кредита.

Цель и задачи исследования

Цель настоящего исследования — выявить, обладает ли система социального кредита, функционирующая в Китае, такими признаками авторитаризма, как создание неравных возможностей конструирования реальности.

Задачи исследования:

- 1) доказать, что воздействие на символическую реальность является важным фактором функционирования современной социально-политической системы;
- 2) очертить теоретические рамки исследования системы социального кредита как способа воздействия на символические феномены, имеющие отношение к идеологии, и вписать эту систему в теорию политической коммуникации;
- 3) ответить на вопрос, несет ли в себе система социального кредита признаки авторитаризма, с точки зрения теории политической коммуникации.

Методы исследования

Методы исследования базируются на достижениях общественных наук, имеющих в качестве своего предмета коллективное и индивидуальное сознание. Среди достижений этих наук — переоценка детерминирующей роли общества по отношению к личности, борьба понятий «общество» и «человек» за статус детерминирующего начала.

Конкуренция понятий «общество» и «человек» за приоритет в ценностной структуре массового сознания отнюдь не нова: эти ценности с переменным успехом сменяли друг друга на протяжении веков — со времен эллинизма (когда впервые был поставлен вопрос о возможности подобной борьбы) и до настоящего времени (когда констатация смены приоритетов в отношении этих двух понятий стала банальностью).

Однако в социальной философии, размышляющей о коллективном сознании, вплоть до последнего времени безусловная детерминация обществом человека не подвергалась сомнению. Уверенность науки в том, что целое больше, чем сумма его частей, что общество не редуцируется к совокупности индивидуальных волей, была незыблемой. Субъект социальной системы был полностью детерминирован ее структурой. Все без исключения социологи, даже находящиеся на полюсе крайнего номинализма и априорно допускающие не первичность общества, как Дюркгейм, и наоборот, как Вебер и Блумер, конституирующую роль взаимодействия индивидов, признают, что индивид не может выйти в своей мыслительной деятельности за рамки ментальных структур, предписанных ему обществом. Личность является жертвой социальной необходимости, не способной осознать свою роль в игре слепых социальных процессов и обусловленной потребностями социальной структуры. Действия отдельного человека создают рисунок, превосходящий его способности понимать.

Теории, идущие вразрез с этой парадигмой, обязаны своим существованием постмодернистским установкам социологии и социальной философии, акцентирую-

щим внимание на влиянии рыночной экономики и на символическом интеракционизме. Принуждение как главный механизм социализации и источник противоречия между личностью и обществом хорошо замаскировано видимостью добровольного рационального выбора в системе рыночной экономики. Отношения субординации можно рассматривать в терминах логики расчета и оптимального выбора. В условиях экономического принуждения особую роль приобретает власть убеждения. Экономическое поле стремится навязать свою структуру идеологическому: власть в обществе отныне мыслится как обладание символическим капиталом, прежде всего, как власть над словом.

Как только наука делает это открытие, яснее становится механизм детерминации обществом сознания индивида. Он предстает как процесс сознательной манипуляции сознанием, осуществляемый заинтересованными субъектами социального действия — не группами, а личностями, заставляющими поверить в их личных интересах в существование неких социальных групп и сделать себя носителями их мифических интересов, а иногда даже вызывать к жизни эти группы определенными манипуляциями.

Согласно этой концепции, классы создал Маркс, политизация классов — чисто явление, обязанное ему своим существованием. Представление правительства о своей власти создает наличие или отсутствие классов. Если граждане не верят в классы, то классы и в самом деле исчезают, раз они определяются осознанным противопоставлением групп внутри социума.

Социальная борьба переместилась на уровень представлений, а осознавшей это личности не трудно выйти за пределы категорий, навязанных ей социальной системой, и осуществлять обратное детерминирующее воздействие, стать манипулятором, конструирующим социальную реальность в личных интересах. Если раньше признавалось наличие *объективных сил*, соотношение которых стремится воспроизвести себя в отношении *символических сил*, то теперь реальностью становится только борьба за навязывание представлений. Общественный деятель признает себя подсудным только общественному мнению, но оно — только продукт его манипуляций. Он творец социальной реальности в буквальном смысле: он эманурует из своего разума классы и с помощью идеологического механизма социальной мобилизации действительно вызывает их к жизни. Человек возобладал над обществом также и в теории.

Объективными предпосылками такого возобладания выступают факторы усиления важности символического воздействия в современном мире. В социальной действительности постепенно происходит снятие проблемы диктата материального фактора. Это проявляется в исключении насилия из системы международных отношений Западного мира, преобладании символического фактора среди средств осуществления социальных отношений, нашедшем яркое воплощение в послевоенной эволюции мировой валютной системы.

Речь идет об элиминации материального обеспечения денежной единицы и наполнения ее обеспечением исключительно авторитетом эмитента при установлении Бреттон-Вудской валютной системы и особенно при ее крахе. Возникновение криптовалюты отражает потребность общества в необеспеченной денежной единице, имеющей потенциал преобразить мировую экономику.

Денежная единица — мерило материальных стоимостей — с введением Бреттон-Вудской системы перестала быть привязанной к конкретному материальному благу, она стала обеспечиваться не золотом, а благоприятным мнением участников монетарной системы о валюте Соединенных Штатов, то есть чем-то весьма эфемерным, символическим. Система плавающих валютных курсов еще более усилила эту тенденцию. Экономическая борьба в сфере международных отношений переместилась с уровня материальных ресурсов и территорий как источников сырья и рынков сбыта на уровень формирования мнения.

Возникновение криптовалюты отражает потребность современного мира в необеспеченных деньгах для беззатратного маневрирования ликвидностью.

В обновленном мире успех приносит линия поведения, делающая ставку на нематериальные факторы.

На это, в частности, среагировала постмодернистская геополитика, наука в качестве объекта своего изучения имеющая исключительно материальные факторы, детерминирующие политическую действительность. Сторонники постмодернистской школы в теории международных отношений группировались вокруг Р. Эшли [19], У. Конноли [23, с. 59] и Р. Уолкера [53]. Наиболее существенным для геополитики в арсенале постмодернистских научных методов является отрицание материальной реальности и постулирование бóльшей важности реальности символической. Определенные территории, государственные границы, военные базы, материальные ресурсы также начинают приобретать, главным образом, символическое значение, которое и является стратегическим ресурсом.

М. Мерль приспособил теории символического производства П. Бурдьё и Б. Бади к геополитическим проблемам. Р. Дебре заложил традицию отказа трактовать геополитические проблемы отдельно от дистинктивных концепций и риторических стратегий.

Использование методов постмодернистской социологии, социальной и политической философии, вскрывающих механизм мобилизации различных социальных сил, механизм осуществления самоидентификации различных групп населения с субъектами социального и политического действия (классами, партиями, ассоциациями, заинтересованными группами), а также механизм самоидентификации различных политических лидеров, претендующих на роль выразителей интересов социальных групп, которые они хотели бы мобилизовать, может дать чрезвычайно интересные результаты не только с академической, но и с сугубо практической точки зрения. На основе использования методов постмодернистской социологии, позволяющих за приемами политического маркетинга видеть реальный мобилизационный потенциал всех претендентов на роль субъектов политического действия, может дать ясную картину взаимодействия элит различных полей влияния, возможность долгосрочного политического прогноза.

Этот мобилизационный потенциал зависит от средств массовой коммуникации.

Функционал возможностей средств массовой коммуникации изучен теорией массовой коммуникации.

Мобилизационный потенциал субъектов социального действия зависит от их возможностей конструировать символическую реальность. Чтобы определить равные или неравные возможности предоставляются гражданам для конструирования символической реальности, следует определить асимметрична ли политическая коммуникация в обществе.

Таким образом, основным методом исследования является анализ функционала системы социального кредита применительно к СМИ, с точки зрения формирования симметричной или асимметричной политической коммуникации, как это определяет теория массовой коммуникации.

Результаты и обсуждение

Существует такой аспект социального кредита, который способен оказать существенное влияние на развитие политической коммуникации, и влияние крайне негативное, с точки зрения демократического устройства современной политической системы и качества человека.

Речь идет о применении социального кредита при усилении ответственности сотрудников в интернет-СМИ за проверку контента, согласно Правилам китайского правительства по усилению контроля за контентом интернет-сайтов, опублико-

ванным 16 сентября 2021 г. Это усиление ответственности направлено на создание механизмов предупреждения настроений общества, на сосредоточении внимания на настроении общества по чувствительным и резонансным событиям с целью управления этим вниманием.

То, что правила китайского правительства по усилению контроля за контентом интернет-сайтов направлены именно на объективацию реципиента информации, подтверждает стремление китайского правительства улучшить базу данных, чтобы сделать их доступными для машинной обработки системам искусственного интеллекта (AI-системам). Об этом свидетельствует то, что «Правила» предлагают создать «механизм динамического обновления базы сэмплов противоправной информации, установить разделение по уровням и категориям; регулярно обновлять и расширять содержание *для повышения эффективности и качества технической проверки*».

А между тем AI-модели будут запрещены в ЕС (обсуждение соответствующего законопроекта стартовало 21 апреля 2021 г.), и даже не применительно к мониторингу интернет-СМИ, а по отношению ко всей системе социального рейтинга или социального кредитования, когда по гражданам накапливается массив больших данных о связях, поведении, покупках и другой информации, и на основе совокупности данных создается социальный портрет гражданина, на том основании, что у таких систем искусственного интеллекта есть высокий шанс повлиять на чьи-то средства к существованию. Массовое наблюдение, применяемое ко всем физическим лицам без каких-либо различий, согласно идеологии ЕС должно быть запрещено.

Объективация реципиента средствами массовой коммуникации (трактовка реципиента не как субъекта, а как объекта) означает такое политическое развитие массовой коммуникации, при котором она предстает как асимметричная. Теория асимметричной политической коммуникации была разработана Т. З. Адамьянц [1; 2] на основе модели интеракционистской массовой коммуникации Т. Ньюкомба [40], сбалансированной модели коммуникации У. Шрамма [52] и Ч. Осгуда [41–46]. Асимметричная политическая коммуникация имеет в качестве своих последствий, во-первых, угрозу демократическому устройству современной политической системы, а во-вторых, целенаправленное снижение качества человека.

В самом деле, объективация реципиента средствами массовой коммуникации означает целенаправленное формирование отчужденности электората от политического участия, что сводит на нет все достижения прогресса политического развития в сфере принуждения политической системы быть инструментом общего блага.

С другой стороны, остро стоит проблема культурного отчуждения человека в результате засилья массовой культуры, навязываемой СМИ, контролеры которых заинтересованы в максимизации прибыли, а значит, в продвижении в массы как можно более дешевого продукта. Для того чтобы массы безропотно потребляли этот продукт, необходимо, объективируя реципиента, изменить его культурный уровень в соответствии с данной задачей. Это достигается за счет развития асимметричной массовой коммуникации.

Необходимость поиска точки уязвимости сознания массовой аудитории для эффективности пропаганды как несимметричной политической коммуникации, говоря в современных терминах, была обоснована Г. Лассуэллом [34; 35]. Предупреждение настроений общества, связанное с изобретением новых идей и образов, их внедрением и дальнейшим культивированием, то есть своеобразным конструированием социальной реальности, было разработано им же [36].

Примером восприятия коммуникации как однозначного воздействия субъекта на объект без шансов у объекта стать полноправным участником процесса может служить модель шумовой коммуникации К. Шеннона и У. Уивера [51].

Теория Культурного отчуждения человека вследствие создания механизма несимметричной политической коммуникации была развита Франкфуртской школой во главе с Т. Адорно [18].

Таким образом, перспективы применения искусственного интеллекта для контроля за интернет-СМИ способствуют развитию несимметричной политической коммуникации, направленной на объективацию реципиента информации. Это само по себе неоднозначно, при этом китайское правительство намерено еще и усилить эффективность применения искусственного интеллекта с помощью социального кредита. Это вызывает определенную солидаризацию с направлениями либеральной мысли, критикующими систему социального кредита.

Выводы

1. Система социального кредита, применяемая для контроля за контентом интернет-сайтов, способствует углублению асимметричности политической коммуникации в плане дальнейшей объективизации реципиента информации.
2. В рамках теории массовой коммуникации это означает регресс в области развития политического участия и качества человека, следовательно, оценка системы социального кредита методами, отличными от методов, применяемых сторонниками концепции негативистских прав человека, позволяет прийти к тем же результатам, и обнаружить в системе социального кредита признаки авторитарного государственного управления. Подтверждение таких признаков, сделанных на основании других методов, имеет значение, поскольку оценка системы социального кредита, сделанная в рамках парадигмы негативистских прав человека, могла быть опровергнута апелляцией к несовпадению коллективистских и индивидуалистских ценностей и слабой применимости к китайскому обществу последних.

Литература

1. Адамьянц Т. З. К диалогической телекоммуникации: от воздействия к взаимодействию. М. : Институт социологии РАН, 1999.
2. Адамьянц Т. З. Латентные технологии информационных войн и «двойных стандартов» // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 123–127.
3. Арон Р. Введение в философию истории: очерк о границах исторической объективности / Арон Р. Избранное. Введение в философию истории. М. : ПЕР СЭ, СПб. : Университетская книга, 2000.
4. Байер Ю. П., Васильева В. А., Ветренко И. А. The Social Credit System of the People's Republic of China through the Eyes of Foreign Researchers // Управленческое консультирование. 2020. № 7. С. 20–31.
5. Бауман З. Философские связи и влечения постмодернистской социологии // Вопросы социологии. Т. 1. № 2. 1992. С. 2–22.
6. Буткевич С. А. Система социального кредита в Китайской Народной Республике в зеркале криминологии // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 1. С. 111–116.
7. Бялькина Д. В. Китайская система социального кредита // Человек: преступление и наказание. Сборник материалов Международной научно-теоретической конференции аспирантов, соискателей, курсантов и студентов. В 3-х ч. Рязань : Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2020. С. 45–50.
8. Вебер М. Наука как призвание и профессия / Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 707–736.
9. Генкин А. С. Китайский опыт внедрения системы социального кредита: скоринг как универсальная монетизация доверия // Страховое дело. 2019. № 10 (319). С. 3–20.
10. Дюркгейм Э. Метод социологии / Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М. : Наука, 1995. С. 391–532.
11. Кривопусков В. В. Методологические основания социологического исследования доверия как фактора консолидации российского общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Сер.: Социологические науки, 2013. № 1, с. 79–83.

12. Крушинский А., Ломанов А., Переломов Л. «Китайская мечта» и категории традиционной китайской мысли // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 5. С. 135–148.
13. Лукьянов А. Е. Философские проблемы «китайской мечты» // Вестник РУДН. Сер. «Философия». 2015. № 4. С. 50–59.
14. Разумов Е. А. Цифровое диктаторство: особенности системы социального кредита в Китайской Народной Республике // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2019. Т. 24. С. 86–97.
15. Рувинский Р. З., Комарова Т. Д. Система социального кредита в Китайской Народной Республике: нормативно-правовое основание и принципы функционирования // ВВ: Административное право и практика администрирования. 2019. № 4. С. 18–53.
16. Трахтенберг А. Д. Китайская система социального кредита: взгляд снаружи и изнутри // Дискурс-Пи. 2019. № 4 (37). С. 108–118.
17. Черницына Е. Н. Политическое доверие: как его измерить? // Государственное управление. Электронный вестник. № 54. Февраль 2016. С. 130–145.
18. Adorno Th., Frenkel E., Brunswick S., Levinson D., Sanford R. The Authoritarian Personality. NY, 1950.
19. Ashley R. K. Living on Borderlines: Man, Poststructuralism and War / eds. DerDerian J., Shapiro M. J. International/Intertextual Relations: Postmodern Readings in World Politics. Lexington, 1989. P. 259–321.
20. Bauman Z. Is there a postmodern sociology? // The Postmodern Turn (New Perspectives on Social Theory) / ed. S. Seidman. Cambridge University Press, 1998.
21. Bauman Z. Postmodernity, or Living with Ambivalence // Contemporary Social Theory / ed. A. Elliot. Blackwell Publishers, 1999.
22. Blumer H. Symbolic Interactionism. Berkley : University of California Press, 1969.
23. Brown C. Critical Theory and Postmodernism / eds. A. J. R. Groom, M. Light. Contemporary International Relations. A Guide to Theory. L., 1994. P. 56–69.
24. Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology. NJ : Prentice-Hall, 1967.
25. Glaeser E. L., Laibson D., Scheinkman J. A., Soutter C. L. Measuring trust // Quarterly Journal of Economics. 2000. N 115 (3). P. 811–846.
26. Eagleton T. After Theory. NY : Basic Books, 2003.
27. Engelmann S., Chen M., Fisher F., Kao P. at al. Clear. Sanctions, Vague Rewards: How China's Social Credit System Currently Defines "Good" and "Bad" Behavior. In Proceedings of the Conference on Fairness Accountability, and Transparency (FAT* '19). Association for Computing Machinery. NY, 2019. P. 69–78.
28. Harvey D. Postmodernism // Contemporary Social Theory / ed. A. Elliot. Blackwell Publishers, 1999.
29. Jiang M., Fu K.-W. Chinese Social Media and Big Data: Big Data, Big Brother, Big Profit? // Policy and Internet. 2018. N 4 (10). P. 372–392.
30. Kasl F. Surveillance in digitalized society: The Chinese social credit system from a European perspective // Lawyer Quarterly. 2019. N 4 (9). P. 349–358.
31. Kostka G. China's social credit systems and public opinion: Explaining high levels of approval // New Media and Society. 2019. N 21 (7). P. 1565–1593.
32. Laband J. How Can Individuals, Companies Be Limited by Bad Social Credit in China? // China Business Review, Feb. 2017 [Electronic source]. URL: <https://www.chinabusinessreview.com/how-can-individuals-companies-be-limited-by-bad-social-credit-in-china/> (accessed: 28.01.2020).
33. Laski H. J. Towards a Universal Declaration of Human Rights // Human rights teaching. IY. 1985. P. 7–11.
34. Lasswell H. D. Propaganda Technique in the World War (1927; Reprinted with a new introduction, 1971). NY, 1971.
35. Lasswell H. The Structure and the Function of Communication in Society // The Process and Effects of Mass Communication. Chicago, 1971.
36. Lasswell H. D., Smith B. L., Casey R. D. Propaganda, Communication and Public Order. Princeton, 1946.
37. Lee J. W. Your life is number // Psychology today. 2019. N 7–8. С. 72–81.
38. Lyotard J. F. The postmodern condition: A report on knowledge. Minneapolis : University of Minnesota Press, 1984.
39. Mouzelis N. The Poverty of Sociological Theory // Sociology. Vol. 27. N 4. November 1993.
40. Newcomb T. An Approach to the Study of Communications Acts // Psychological Review, 1953, N 60.

41. *Osgood Ch. E.* Focus on Meaning: Explorations in Semantic Space. Mouton Publishers, 1979.
42. *Osgood Ch. E.* Psycholinguistics: a survey of theory and research problems // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1954. N 49.
43. *Osgood Ch. E.* Psycholinguistics, Cross-Cultural Universals, and Prospects for Mankind. Praeger Publishers, 1988.
44. *Osgood Ch. E., May W. S., Miron M. S.* Cross Cultural Universals of Affective Meaning. University of Illinois Press, 1975.
45. *Osgood Ch. E., Suci G., Tannenbaum P.* The Measurement of Meaning. University of Illinois Press, 1957.
46. *Osgood Ch. E., Tzeng O.* (eds.). Language, Meaning, and Culture: The Selected Papers of C. E. Osgood. Praeger Publishers, 1990.
47. *Parsons T.* Economy and Society. NY, 1956.
48. *Parsons T.* The Structure of Social Action. NY, 1968.
49. *Robinson W. S.* The logical Structure of Analytic Induction // *American Sociological Review*. 1951. N 6. Vol. 16. P. 812–818.
50. *Rosaldo R.* Subjectivity in social analysis // *The Postmodern Turn (New Perspectives on Social Theory)* / ed. S. Seidman. Cambridge University Press, 1998.
51. *Schannon C., Weaver W.* The athemactical Theory of Communitation. Urbana : University of Illinois Press, 1949.
52. *Schramm W.* How Communication Works / ed. Shramm W. The process and effects of mass communication. Urbana : University of Illinois Press, 1954.
53. *Walker R. B. J.* Culture, Discours and Insecurity // *Alternatives*, 1986. Vol. 11. N 4. P. 485–504.
54. *Weber M.* The Methodology of the Social Sciences / eds. E. Shits, H. Finch. NY : Free Press, 1949.

Об авторах:

Антончева Ольга Алексеевна, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук, доцент; antoncheva-oa@ranepa.ru

Апанасенко Татьяна Евгеньевна, независимый исследователь, кандидат политических наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация); apanassenko2008@mail.ru

References

1. Adamianz T.Z. To dialogic telecommunications: from impact to interaction. M. : Institut sociologii RAN, 1999 (in Rus).
2. Adamianz T.Z. Latent technologies of information wars and double standards // *Social researches [Sotsiologicheskie issledovaniya]*. 2016. N 12. P. 123–127 (in Rus).
3. Aron R. Introduction to the philosophy of history: Essay on the boundaries of historical objectivity / Selected works. Introduction to the philosophy of history. SPb. : Universitetskaya kniga, 2000 (in Rus).
4. Bayer J. P., Vasilyeva V. A., Vetrenko I. A. The Social Credit System of the People's Republic of China through the Eyes of Foreign Researchers // *Administrative Consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]*. 2020. N 7. P. 20–31 (in Rus).
5. Bauman Z. Philosophical affinities of postmodern sociology // *Problems of sociology [Voprosy sociologii]*. V. 1. N 2. 1992. P. 2–22 (in Rus).
6. Butkevich S. A. The System of Social Credit in the People's Republic of China in the Mirror of Criminology // *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the of the Interior of the Russian Federation [Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii]*. 2019. N 1. P. 111–116 (in Rus).
7. Bialkina D. V. China's System of Social Credit // *Man: Crime and Punishment. Collection of materials of the international scientific and practical conference of adjuncts, graduate students, cadets and students. In three parts.* Ryazan: Academy of Law and Administration of the Federal Penitentiary Service, 2020. P. 45–50 (in Rus).
8. Weber M. Science as a vocation and profession / Selected works. M. : Progress, 1990. P. 707–736 (in Rus).
9. Henkin A. S. Chinese Experience of Social Credit Implementation: Scoring as Universal Monetization of Confidence // *Insurance Case [Strahovoe delo]*. 2019. N 10 (319). P. 3–20. (in Rus)

10. Durkheim E. Method of sociology / On the division of Social Labour. M. : Nauka, 1990. P. 391–532 (in Rus).
11. Krivopuskov V.V. Methodological foundations of sociological research of trust as a factor of consolidation of Russian society // Humanities, socio-economic and social sciences [Humanitarnyye, socio-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki]. Ser.: Sociological sciences. 2013. N 1 (in Rus).
12. Krushinski A., Lomanov A., Perelomov L. “Chinese Dream” and Categories of Traditional Chinese Thought // Far Eastern Studies [Problemy Dal'nego Vostoka]. 2015. N 5. P. 135–148 (in Rus).
13. Lukianov A.E. Philosophical Problems of the “Chinese Dream” // Vestnik RUDN. Philosophy Ser. [Vestnik RUDN. Ser. «Filosofiya»]. 2015. N 4. P. 50–59 (in Rus).
14. Razumov E.A. Digital dictatorship: features of the social credit system in the People’s Republic of China // Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Far Eastern Branch of the Russian Academy RAS. 2019. Vol. 24. P. 86–97 (in Rus).
15. Ruvinski R.Z., Komarova T.D. Social Credit System in the People’s Republic of China: Regulatory Framework and Operating Principles // NB: Administrative Law and Administrative Practice [NB: Administrativnoe pravo i praktika administrirovaniya]. 2019. N 4. P. 18–53 (in Rus).
16. Trakhtenberg A.D. China’s social credit system: Look inside and out // Discours-Pi. 2019. N 4 (37). P. 108–118 (in Rus).
17. Chernizina E.N. Political trust: how to measure it? // Public administration [Gosudarstvennoe upravlenie]. Electronic bulletin. № 54. February 2016. P. 130–145 (in Rus).
18. Adorno Th., Frenkel E., Brunswick S., Levinson D., Sanford R. The Authoritarian Personality. NY, 1950.
19. Ashley R.K. Living on Borderlines: Man, Poststructuralism and War / eds. DerDerian J., Shapiro M. J. International/Intertextual Relations: Postmodern Readings in World Politics. Lexington, 1989. P. 259–321.
20. Bauman Z. Is there a postmodern sociology? // The Postmodern Turn (New Perspectives on Social Theory) / ed. S. Seidman. Cambridge University Press, 1998.
21. Bauman Z. Postmodernity, or Living with Ambivalence // Contemporary Social Theory / ed. A. Elliot. Blackwell Publishers, 1999.
22. Blumer H. Symbolic Interactionism. Berkley : University of California Press, 1969.
23. Brown C. Critical Theory and Postmodernism / eds. A. J. R. Groom, M. Light. Contemporary International Relations. A Guide to Theory. L., 1994. P. 56–69.
24. Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology. NJ : Prentice-Hall, 1967.
25. Glaeser E. L., Laibson D., Scheinkman J. A., Soutter C. L. Measuring trust // Quarterly Journal of Economics. 2000. N 115 (3). P. 811–846.
26. Eagleton T. After Theory. NY : Basic Books, 2003.
27. Engelmann S., Chen M., Fisher F., Kao P. at al. Clear. Sanctions, Vague Rewards: How China’s Social Credit System Currently Defines “Good” and “Bad” Behavior. In Proceedings of the Conference on Fairness Accountability, and Transparency (FAT* ’19). Association for Computing Machinery. NY, 2019. P. 69–78.
28. Harvey D. Postmodernism // Contemporary Social Theory / ed. A. Elliot. Blackwell Publishers, 1999.
29. Jiang M., Fu K.-W. Chinese Social Media and Big Data: Big Data, Big Brother, Big Profit? // Policy and Internet. 2018. N 4 (10). P. 372–392.
30. Kasl F. Surveillance in digitalized society: The Chinese social credit system from a European perspective // Lawyer Quarterly. 2019. N 4 (9). P. 349–358.
31. Kostka G. China’s social credit systems and public opinion: Explaining high levels of approval // New Media and Society. 2019. N 21 (7). P. 1565–1593.
32. Laband J. How Can Individuals, Companies Be Limited by Bad Social Credit in China? // China Business Review, Feb. 2017 [Electronic source]. URL: <https://www.chinabusiness-review.com/how-can-individuals-companies-be-limited-by-bad-social-credit-in-china/> (accessed: 28.01.2020).
33. Laski H. J. Towards a Universal Declaration of Human Rights // Human rights teaching. IV. 1985. P. 7–11.
34. Lasswell H. D. Propaganda Technique in the World War (1927; Reprinted with a new introduction, 1971). NY, 1971.
35. Lasswell H. The Structure and the Function of Communication in Society // The Process and Effects of Mass Communication. Chicago, 1971.
36. Lasswell H. D., Smith B. L., Casey R. D. Propaganda, Communication and Public Order. Princeton, 1946.

37. Lee J.W. Your life is number // Psychology today. 2019. N 7–8. С. 72–81.
38. Lyotard J.F. The postmodern condition: A report on knowledge. Minneapolis : University of Minnesota Press, 1984.
39. Mouzelis N. The Poverty of Sociological Theory // Sociology. Vol. 27. N 4. November 1993.
40. Newcomb T. An Approach to the Study of Communications Acts // Psychological Review, 1953, N 60.
41. Osgood Ch.E. Focus on Meaning: Explorations in Semantic Space. Mouton Publishers, 1979.
42. Osgood Ch.E. Psycholinguistics: a survey of theory and research problems // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1954. N 49.
43. Osgood Ch.E. Psycholinguistics, Cross-Cultural Universals, and Prospects for Mankind. Praeger Publishers, 1988.
44. Osgood Ch.E., May W.S., Miron M.S. Cross Cultural Universals of Affective Meaning. University of Illinois Press, 1975.
45. Osgood Ch.E., Suci G., Tannenbaum P. The Measurement of Meaning. University of Illinois Press, 1957.
46. Osgood Ch.E., Tzeng O. (e ds.). Language, Meaning, and Culture: The Selected Papers of C.E. Osgood. Praeger Publishers, 1990.
47. Parsons T. Economy and Society. NY, 1956.
48. Parsons T. The Structure of Social Action. NY, 1968.
49. Robinson W.S. The logical Structure of Analytic Induction // American Sociological Review. 1951. N 6. Vol. 16. P. 812–818.
50. Rosaldo R. Subjectivity in social analysis // The Postmodern Turn (New Perspectives on Social Theory) / ed.S. Seidman. Cambridge University Press, 1998.
51. Schannon C., Weaver W. The athematical Theory of Communication. Urbana : University of Illinois Press, 1949.
52. Schramm W. How Communication Works / ed. Shramm W. The process and effects of mass communication. Urbana : University of Illinois Press, 1954.
53. Walker R.B.J. Culture, Discours and Insecurity //Alternatives, 1986. Vol. 11. N 4. P. 485–504.
54. Weber M. The Methodology of the Social Sciences / eds.E. Shits, H. Finch. NY : Free Press, 1949.

About the authors:

Olga A. Antoncheva, Associate Professor the Chair of State and Municipal Management of North-West Institute of Management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Science, Associate Professor; antoncheva-oa@ranepa.ru

Tatiana E. Apanasenko, Independent researcher (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Science; apanassenko2008@mail.ru